

Отзывъ о работѣ „Жизнь и поэзія **Θ. И. Тютчева**“, представленной для соисканія медали, подъ девизомъ „Наука, искусство, философія имѣютъ цѣну лишь потому, что онѣ вещи религіозныя, т. е. даютъ человѣку духовный хлѣбъ“ (Ренанъ).

Сочиненіе объемистое. Состоитъ оно изъ слѣд. частей:

1. Краткаго введенія, въ одну стр., въ которомъ авторъ говоритъ, что его работа дѣлится на 2 части, въ 1-й говорится о Т., какъ человѣкѣ и поэтѣ, во 2-й — о поэзіи его. Первая часть, въ свою очередь, дѣлится на 3 главы, причемъ 3-я является переходной — въ началѣ говорится о работѣ Т. надъ стихами, въ концѣ устанавливается ихъ текстъ. Вторая часть дѣлится также на 3 главы. Авторъ не считаетъ свою работу законченной, и желаетъ, чтобы ее цѣнили болѣе по намѣреніямъ, чѣмъ по исполненію.

За введеніемъ на 4 листахъ идетъ вступительный этюдъ къ біографіи Т. Здѣсь авторъ останавливается на той роли, какую сыграла большая статья Аксакова о Т. въ Рус. Арх. 1874, отмѣчаются выдающіяся достоинства, и значительные недостатки, скудость фактическаго матеріала и односторонняя славяноф. точка зрѣнія въ освѣщеніи его. Тутъ же авторъ отмѣчаетъ нѣсколько ошибокъ Аксакова, причемъ опирается на свое личное знакомство съ неизданнымъ матеріаломъ въ имѣніи наслѣдниковъ **Θ. И. Т.** Попутно авторъ кой въ чемъ возражаетъ болѣе позднему изслѣдователю Т. — Брюсову. Въ концѣ главы авторъ говоритъ, что онъ, по образцу извѣстной книги Лернера „Труды и дни Пушкина“, слѣдующую главу посвящаетъ собранію бібліографическихъ данныхъ о Т., о его жизни, сношеніяхъ, съ кѣмъ и когда встрѣчался и т. д., по хронологической лѣтописной главѣ. Изъ этой небольшой главы видно, что у автора большія заданія, что онъ проявляетъ самостоятельность и критическое отношеніе. Но самъ авторъ чувствуетъ и сознаетъ несообразность частей. Было бы болѣе правильнымъ и болѣе для него полезнымъ, если бы онъ, вслѣдъ за Аксаковымъ, сгруппировалъ и разобралъ другія статьи о Т., по крайней мѣрѣ наиболѣе крупныя, и т. о. осмотрѣлъ сразу критически довольно значительную литературу о Т. Кое что авторъ, правда, сдѣлалъ въ этомъ отношеніи, но въ разныхъ частяхъ своего труда.

Далѣ слѣдуетъ обширная глава почти въ 50 листовъ (9—115), подъ заглавіемъ „Біо-библіографическій скелетъ“. Она обнимаетъ не только личность и творчество Т., но и всѣхъ его предковъ погодно; начинается она съ 1380 г. — „хитраго мужа Захарія Тютчева, посланнаго Дмитріемъ Донскимъ къ царю Мамаю“. Кончается эта глава не только смертью Т. въ 1873, но и позднѣйшими о немъ сообщеніями, до 1916 г. включительно. Въ концѣ портретъ О. И. Т. съ неизданной фотографической карточки, предоставленной автору внукомъ поэта Ник. Ив. Тютчевымъ.

Біо-библіографія изслѣдованія въ лѣтописномъ порядкѣ, изъ года въ годъ, изъ дня въ день—дѣло трудное, требующее громадной начитанности и самыхъ внимательныхъ отношеній къ факту. Хорошъ трудъ Лернера о Пушкинѣ, но Лернеръ лучшій въ Россіи знатокъ Пушкина, написалъ его послѣ многихъ лѣтъ детальнаго изученія пушкинской литературы. Трудъ проф. Кирпичникова о Гоголѣ уже значительно слабѣе. Біо-библіографическія лѣтописи имѣютъ важную цѣну въ наукѣ лишь тогда, когда они обоснованы на глубокомъ изученіи, полны и точны.

Хотя авторъ разбираемаго труда доказалъ знакомство съ большою литературой и проявилъ большое трудолюбіе, но—въ данномъ видѣ—его трудъ нельзя рекомендовать для напечатанія. Если въ немъ разобраться, то окажется немало недосмотровъ, пропусковъ, что вполне понятно для автора, работающаго около года. Есть цѣлые годы, напр. 1889, 1894, 1907, для которыхъ не найдено ни одного факта. Трудно, однако, сомнѣваться, чтобы въ журналахъ, газетахъ, мемуарахъ и т. д. могъ быть такой годъ послѣ смерти Т., послѣ многихъ изданій его сочиненій, чтобы не было ни одной статьи, ни одной замѣтки. Автору просто не удалось ихъ уловить и закрѣпить.

Въ біо-библіографіи Т. кой-что лишнее. Можно дорожить поэтомъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы отмѣчать всякую пустяковину, какъ это дѣлаетъ мѣстами авторъ. У Сѣверянина оказалось стихотвореніе съ эпиграфомъ изъ Тютчева, Валерій Брюсовъ въ одномъ стихотвореніи мелькомъ упомянулъ о Т., 8 марта 1916 года въ Харьковѣ въ какомъ то синематографѣ была демонстрирована картина—„въ буйной слѣпотѣ страстей“—на слова Т., и авторъ все это отмѣчаетъ. Любовь къ поэту—почтенная черта, но нужно соблюдать мѣру и въ условіяхъ даже большаго научнаго усердія.

Съ 115 стран. начинается обширная біографія Т. Начиная съ отношенія къ родителямъ и дѣтскихъ впечатлѣній Т., авторъ говоритъ далѣе о его учителѣ—писателѣ Раичѣ, о вліяніи Жуковскаго, объ увлеченіи нѣмецкой философіей и литературой, объ успѣшномъ прохожденіи университетскаго курса, дипломатической службѣ въ Мюнхенѣ, рѣдкихъ

пріѣздахъ въ Россію и т. д. Попутно авторъ вездѣ входитъ въ критическое разсмотрѣніе работъ своихъ наиболее крупныхъ предшественниковъ, Аксакова и Брюсова, мѣстами вноситъ поправки въ ихъ показанія, вообще, обстоятельно разбираетъ событія жизни Т., какъ во время его многолѣтняго пребыванія за границей, такъ и по возвращеніи въ Россію. Отмѣтивъ многія встрѣчи Т. съ русскими въ Мюнхенѣ—Жуковскимъ, П. В. Кирѣевскимъ, Ростопчинымъ, кн. Вяземскимъ, поѣздки въ Россію, нѣсколько писемъ на рускомъ языкѣ на родину, авторъ, вопреки мнѣнія Аксакова, повтореннаго позже Потебней, утверждаетъ, что Т. всегда любилъ русскій языкъ и русскую литературу, въ личной жизни соблюдалъ привычки православнаго благочестія и берегъ русскій языкъ.

Попутно авторъ останавливается на дружескихъ отношеніяхъ Т. въ Германіи къ Генриху Гейне, въ Россіи—къ Жуковскому и кн. Вяземскому, на его дѣятельности въ Россіи въ роли члена, потомъ предсѣдателя цензурнаго комитета, на проявленіяхъ въ его перепискѣ съ друзьями религіозности, чувства природы и др. чертъ, нашедшихъ отраженіе въ поэзіи. Мѣстами—правда—довольно рѣдко авторъ пользуется новыми матеріалами, извлеченными имъ лично изъ тютчевскаго архива въ с. Мурановѣ Моск. губ. Вездѣ авторъ обнаруживаетъ ласковое, самостоятельное отношеніе къ Т., что не мѣшаетъ ему во многихъ случаяхъ проявлять критическое, отрицательное отношеніе къ разбираемымъ фактамъ, причемъ эта критика направляется преимущественно противъ того, что такъ или иначе можетъ умалить значеніе и вѣсъ Т., какъ человѣка.

Въ концѣ біографіи авторъ говоритъ объ увлеченіи Т. славянофильскимъ ученіемъ о провиденціальномъ назначеніи Россіи, о жестокомъ разочарованіи въ Крымскую войну, о свѣтской жизни въ Петроградѣ, о любовныхъ увлеченіяхъ въ старости.

Къ біографіи приложено нѣсколько стихотвореній и писемъ Т., извлеченныхъ изъ архива внуковъ поэта.

Въ цѣломъ біографія Т. занимаетъ 57 листовъ (115—233 стр.). Во многомъ она дополняетъ или поправляетъ изслѣдованія Аксакова и В. Брюсова, двухъ главныхъ предшественниковъ автора, т. о. имѣетъ научное значеніе. Общій тонъ сдержанный, дѣловой, безъ лишнихъ фразъ, безъ публицистическихъ отклоненій въ сторону.

Вторая глава—„Духовная жизнь Т. по его стихамъ“—на 17 листахъ (стр. 253—288). Послѣ предварительныхъ сообщеній о мнѣніяхъ по этому поводу Фета, Брюсова, Мережковского, Вл. Соловьева, авторъ даетъ обзоръ главныхъ мотивовъ поэзіи Т.—слабости, безпомощности человѣка, могущества природы, противоположно личности необъятности времени и пространства, жизни человѣческой, жизни всемірной, опредѣ-

ляется значеніе мгновенныхъ интуицій и счастливаго общенія съ міромъ; говорится о пантеизмѣ Т., о его близости къ индійской философіи, о влияніи Шеллинга, съ которымъ онъ былъ знакомъ по книгамъ и лично, и знакомство съ которымъ, по мнѣнію автора, содѣйствовало развитію въ Т. философско-славянофильскихъ идей. Эта глава представляетъ хорошую компиляцію того, что ранѣе уже высказывалось въ печати.

Но и въ этой главѣ, наименѣе самостоятельной, есть кое-что новое, напр., стихотвореніе на франц. яз., не вошедшее ни въ одно изъ собраній стиховъ Т., извлеченное авторомъ изъ архива. Авторъ даетъ свой переводъ, свидѣтельствующій о томъ, что авторъ не только хорошо знаетъ французскій языкъ, но и справляется со стихомъ.

Французское четверостишіе, впервые приведенное авторомъ—цѣнно потому, что въ немъ выраженъ главный мотивъ поэзіи Т.—неустойчивость и одиночество человѣка:

Que l'homme est peu réel, qu'aisément il s'efface,
Présent, si peu de chose, et rien quand il est loin,
Sa présence ce n'est qu'un point
Et son absence—tout l'espace.

Авторъ такъ перевелъ это довольно трудное четверостишіе:

Какъ въ человѣкѣ мало постоянства,
О, какъ реальнаго въ немъ нѣтъ ничего,
Его присутствіе лишь точка средь пространства
Пространство все—отсутствіе его.

Глава третья на 17 листахъ (289—324)—самая цѣнная по самостоятельности изслѣдованія и новизнѣ данныхъ. Озаглавлена она такъ: „Работа Т. надъ стихами и установленіе текста ихъ“. Сначала авторъ приводитъ легенду, что Т. „ронялъ“ стихи, набрасывалъ ихъ мимоходомъ, что будто поэзія Т. чуть не сплошь импровизація. Эту легенду высказала Смирнова въ „Запискахъ“, повторилъ зять Т.—Ив. С. Аксаковъ. Авторъ отнесся критически къ этому мнѣнію, разсмотрѣлъ первопечатные стихи Т., и пришелъ къ тому заключенію, что Т. усердно обрабатывалъ свои стихи. Авторъ пересмотрѣлъ всѣ 6 изданій стиховъ Т., особенно подробно остановился на изданіи И. С. Тургенева 1854 г., и изданіи 1912 г. подъ ред. Быкова, подмѣтилъ множество искаженій, измѣненій, произвольныхъ поправокъ со стороны Тургенева, ошибокъ и недосмотровъ со стороны Быкова. Въ одномъ небольшомъ стихѣ онъ нашелъ 17 ошибокъ. Любопытно, что даже такое цѣнное стихотвореніе, какъ *Silentium*, не ушло отъ искаженій. Т. при изданіи стиховъ въ

1854 г. всецѣло положился на вкусъ Тургенева, и не вмѣшивался въ изданіе. Вообще, эта глава интересная и цѣнная. Здѣсь авторъ произвелъ такую работу, какая до него не была затронута, открылъ много весьма характернаго для Тютчева и Тургенева, доказалъ, что Т. прилагалъ къ своимъ стихамъ большой трудъ и заботливость и доказалъ научную несостоятельность всѣхъ изданій стиховъ Т., въ томъ числѣ считающихся лучшими изданій 1854 и 1912 годовъ.

5 глава въ 28 листовъ (325—378 стр.) называется „Опытъ историко-литературнаго комментарія къ поэзіи Т.“. Въ этой главѣ авторъ опредѣляетъ отношеніе стихотвореній Т. къ поэзіи Жуковского, Рача, Пушкина, кн. Вяземскаго, влияніе на Т. нѣкоторыхъ чужестранныхъ образцовъ—Ленау, А. Шлегеля, Вордсворта, Гете, Кальдерона, Шекспира. Вся эта часть изслѣдованія говоритъ о большой начитанности автора, большой наблюдательности и его умѣніи улавливать сходныя черты въ неизмѣримомъ морѣ новой поэзіи.

Вторая часть 5 главы—цѣнная и интересная—осталась, по недостатку времени, не законченной. Здѣсь авторъ приступилъ къ разбору мотивовъ и традиціонныхъ формъ поэзіи Т.; представленная часть обрывается на разборѣ романтическихъ мотивовъ, въ частности луннаго, причемъ авторъ вполне самостоятельно трактуетъ объ этой совсѣмъ неизслѣдованной сторонѣ поэзіи Т.

Повидимому, весьма крупной и цѣнной частью придется считать 4-ю главу—„Матеріалы для описанія стиля Т., или словарь“—говоримъ—повидимому, потому что имѣемъ пока лишь предисловіе къ этой главѣ. Но изъ этого предисловія видно, что авторъ выбралъ изъ Т. болѣе 30000 словъ и для распредѣленія ихъ ознакомился съ словарями Шекспира и Платона, со статьями пр. Венгерова по вопросу о составленіи Пушкинскаго словаря. Предисловіе состоитъ всего изъ 6 листовъ. Авторъ опредѣляетъ тутъ свой планъ, причемъ не ограничивается простымъ лексикономъ, но выдвигаетъ важное значеніе образа, или образнаго слова, для уясненія котораго полезно привести всю охватываемую образомъ фразу. Повидимому, словарная сторона особенно привлекла вниманіе автора, и если онъ справится удачно съ ней, то русская наука можетъ получить цѣнное приобрѣтеніе.

Въ общемъ нужно сказать, что трудъ о Т. выдается многими достоинствами, говоритъ о весьма добросовѣстномъ любовномъ изученіи Т., вноситъ немало новаго, не бывшаго въ печати, авторъ заслуживаетъ награжденія золотой медалью.

Проф. Н. Сумцовъ.